

Маховская И.С.,

*кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры этнологии,
музеологии и истории искусств*

Белорусского государственного университета, Минск

Романова И.Н.,

*кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Института истории НАН Беларуси*

ПАМ'ЯТЬ О ПЕРЕСТРОЙКЕ. БЕЛОРУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ

Аннотация. Данное устноисторическое исследование посвящено изучению проявлений исторической памяти, которые сформировались под влиянием резких экономических и политических перемен. Авторы базируются на материалах, собранных в белорусской провинции и касаются периода второй половины 1980-начала 1990-х гг., известного под названием «перестройка».

Ключевые слова: устная история, память, адаптация, мифологическое мировоззрение, постсоветская история, история Белоруссии.

Данная статья посвящена изложению некоторых аспектов устноисторического исследования, целью которого было изучение памяти об ожиданиях, восприятии и реальном опыте радикальных реформ второй половины 1980 — начала 1990-х (известных под общим названием «перестройка») жителей белорусской провинции. Фокус нашего исследовательского внимания был направлен на эпоху «слома», потребовавшего отказа от привычных паттернов поведения, и поиска новых способов адаптации и самопрезентации в стремительно трансформирующемся социуме.

В качестве информантов выступили люди 1940-х — 60-х годов рождения. Показать разнообразие вариантов взаимосвязи адаптивных практик и ценностных ориентиров на основании материалов интервью этой возрастной группы представляется интересным по ряду причин. Во-первых, представители этого поколения в 1970-1980-х годах составляли наиболее активную часть советского общества и вынуждены были участвовать в воспроизводстве формы авторитетного дискурса [3]. Во-вторых, это поколение людей, для которых опыт недавней войны и послевоенного лихолетия не был непосредственным, а оценка уровня жизни не коррелируется с травматичным опытом войны. И, наконец, социальные преобразования наиболее остро сказались именно на данной возрастной группе (те, кому на момент начала радикальных реформ второй половины 80-х было 30-50 лет (1940-1950-е гг.)). Это были люди, которые уже во многом состоялись в советском обществе, уже заработали определенный материальный и социальный капитал, и должны были наиболее активно реагировать на нововведения, наиболее быстро искать свое место в новом мире. Именно им, с одной стороны, было что терять, в отличие от

более молодых, и, с другой стороны, рано почивать на лаврах, в отличие от стариков. Т.е. это те, кто в момент общественного потрясения, требующего ответа, оказался в дееспособном возрасте и включился в ответ.

Исследование проводилось во всех 6 областях Беларуси. В ходе интервьюирования, которое проводилось в мае-октябре 2009 г., всего было опрошено 80 человек. Были опрошены 25 мужчин и 55 женщин. 30 человек имеют высшее образование, 40 человек — среднее и среднее специальное, 10 человек не имеют среднего образования.

Наши информанты — это «простые» люди, никто из них не сделал головокружительной карьеры, хотя многие из них, по их же представлениям, добились немало. Абсолютное большинство их них — выходцы из деревни, значительная часть — дети колхозников, целью которых было так или иначе уехать из деревни и /или получить образование и жить другой жизнью, чем их родители.

Территориально исследование коснулось только белорусской провинции. Мы исходили из того, что жители больших городов обладают большими возможностями для маневрирования и адаптации к изменяющимся социальным условиям. С другой стороны, условия жизни в районном центре, поселке и деревне вполне сопоставимы.

Следуя пожеланиям информантов, мы опустили их фамилии, указав только имена. Несмотря на то, что мы предлагали нашим потенциальным информантам поговорить «о делах давно минувших», многие из них категорически отказались, некоторые соглашались после наших заверений полной анонимности. Причиной такого поведения оказался страх. Ситуация в стране не способствует исчезновению страха перед властью вообще, люди опасаются публично артикулировать свои оценки действий властей не только сегодняшних, но и уже ушедших с политической арены.

Начало эры перемен ознаменовал приход к власти Михаила Горбачева, который в марте 1985 г. стал Генеральным секретарем ЦК КПСС. Горбачев открыто говорил об имеющихся в СССР экономических и социальных проблемах, о том, что страна находится в предкризисном состоянии. Он говорил о том, что все давно хотели услышать: необходимы перемены. Ему поверили, казалось, теперь все будет иначе. Как из рога изобилия сыпались

новые термины: «ускорение», «новое мышление», «демократизация общественной жизни», «построение социализма с человеческим лицом», и, наконец, пароль эпохи — «перестройка», которая обозначала сначала «радикальное», а затем и «революционное» преобразование всех институтов системы.

Образ Горбачева является одной из основных эмоциональных доминант нарративизации памяти о начале перестройки. Горбачев своим появлением на экранах буквально заворожил страну: он говорил без бумажки, чувствовал себя раскованно среди толпы, его походы «в народ» стали настоящей сенсацией. Нина В. вспоминает: «Ой, как он мне нравился, этот Горбачев! После этих Брежневых и Черненко, он так красиво говорил! Мне очень нравилось, как он выезжал, и как с людьми говорил». Людмила С. говорит: «Как-то он нравился всем. Нравился всем, как он, ну, во-первых, он сам такой симпатичный интересный мужчина, так он хорошо говорил, он завлекал своими речами, и там какая-то новая свежая струя была в этих речах».

Отношение к Горбачеву и его курсу описывается не просто в положительных коннотациях, для выражения позиции используются такие интенции, как «это был глоток воздуха», «новая свежая струя была в этих речах», «ловили каждое его слово», «завлекал своими речами», «Боже, как сразу понравилось!», «настолько такая эйфория была!».

По мнению информантов, Горбачев в качестве первого лица страны, вполне соответствовал западным образцам, за него, в отличие от предшественников «было не стыдно». Рассказывает Галина В.: «Наверно с какой-то гордостью мы восприняли это. Потому что показали, западный президент с женой, и красиво говорит, у нас всегда читалось по бумажке. ... А тут речь запросто, без бумажки, и с женой, и красивый, и жена красивая. ... Думали, что наконец-то прогресс есть, и у нас уже будет такой президент, что не стыдно».

«Ожидание перемен» — основной топос памяти начала перестройки. «У нас было такое ощущение, что перестройка будет очень быстрая, очень успешная, что все получится. Все думали, что потенциал у социализма есть, просто что-то накопилось, надо подчистить-подмыть», — отмечает Ольга П.

Анализируя память о перестройке, необходимо принимать во внимание, что воспоминания презентовались с учетом постперестроечного опыта. Состояние релятивной депривации, сменившееся состоянием фрустрации в начале 1990-х, когда люди оказались лишены зачастую элементарных материальных благ, во многом определяет сегодняшнее представление ими своих позиций и ожиданий. Провозглашение реформ было встречено с энтузиазмом. Но свои ожидания от перестройки большинство наших собеседников смогло артикулировать только в весьма общих понятиях: «такое впечатление, что что-то будет новое», «ощущение каких-то перемен было», «надежда появилась на лучшее», «казалось, что лучше будет», «ожидалось чего-то лучшего», «что-то должно было улучшиться».

Вопреки главной риторике власти, фокусировавшейся на политических свободах, риторика воспоми-

наний о перестройке лежит в области потребления. Полина Р. свои ожидания выразила так: «Ждала, что людям будет легче, что будет больше свободы, что появится наконец-то возможность купить то, что человек не может купить по своим деньгам, по своим планам, что не будет этих благов, очередей, которые доводили и изматывали». Эдуард М. Отмечает: «Жили по тем временам относительно бедно. Лучшая жизнь в нашем понимании выражалась в зарплате и благосостоянии, чтоб каждый человек мог что-то купить, а ничего ж не было». Такие формулировки ожиданий диссонируют с рассказами о советском денежном (не товарном) благополучии, и, очевидно, были сформированы кризисным постсоветским потребительским опытом. Эйфория начала перестройки была сведена на «нет» экономическим кризисом. Период программных речей и призывов к переменам не привел к материальному изобилию. Ответственность за неоправданные надежды и крах прежней жизни была возложена на Горбачева.

Одним из ключевых моментов риторики Горбачева было сотрудничество с народом в вопросах управления государством. Перестроечный сленг изобиловал такими терминами, как «кворум», «консенсус», «плюрализм мнений». Мотивационная ригидность части общества выразилась в неготовности принять власть, не соответствующую привычному образу могучей и несокрушимой. Эдуард М. указывает: «Сразу перстиж власти упал. ... Он стал: «это не надо, это не надо. Консенсус нужен». Какой консенсус?! Ты — власть! «Тут надо посоветоваться». С кем советоваться?!» (Марек). Главным механизмом стигматизации образа Горбачева явилось придание отрицательных коннотаций воспринятому первоначально с восторгом умению говорить. Речи в этом случае определяются как слишком длинные, обтекаемые, неконкретные, повторяющиеся. Татьяна О. отмечает: «Вначале все это было интересно, особенно по сравнению с Брежневым, ... пока он не начал повторяться. Потом стало понятно, что он говорит опять те же слова, опять их гонит и гонит». Вспоминает Надежда З.: «Папа мой как-то не доверял этому Горбачеву. Говорил: «Ай, это пустое. Говорильня!»». Говорит Аркадий Р.: «С первого появления, у меня дядька был Василий, он сказал: «Болтун!». Я очень к дядьке прислушивался. Болтун!».

Сегодняшние перестроечные нарративы с некоторой долей условности можно определить как «воспоминания об обманутых надеждах». Причем на фоне смысловой размытости характера ожиданий их конкретика особенно выразительна. Последствия перестройки артикулируются как претензии к Горбачеву, их список достаточно короток, и по всем его пунктам наши информанты весьма единодушны. Общим местом являются интенции «развалил экономику», «развалил Советский союз» и «антиалкогольный указ». Эти наполненные ностальгическим пафосом нарративы, явно носят мифологизированный, привнесенный характер. В первую очередь обращает на себя внимание абсолютная идентичность языковых конструкций, частные случаи массово описываются при помощи «готовой терминологии». Во-вторых, наблюдается явный конфликт символических

коннотаций и несоответствие декларативно воспринятых ностальгических слоганов реальным практикам наших информантов.

Так, например, сегодня в нарративах антиалкогольная кампания упоминается только в отрицательных коннотациях. Но память о ней примечательна тем, что многие начинали свой рассказ с момента, который трудно отнести к области частной жизни. Нина В. указывает: «Мне нравилось, что он эту противоалкогольную кампанию затеял, но зачем вырубать виноградники, я не знаю, это ж соки можно было делать». Галина Петровна В. подчеркивает: «Я вообще его терпеть не могла. Я ему не доверяла никак. Возьмите с этими виноградниками. Это надо было уничтожить!» Дефицит водки, несомненно, напрямую коснулся частной жизни многих из наших информантов, но вырубка виноградников вряд ли имела прямое отношение к этому дефициту. Отсутствие рефлексии по поводу навязываемых коннотаций позволяет не принимать во внимание явные противоречия в собственных сентенциях. Рассказывает Иван Антонович Г.: «Ну, и чего он достиг? Вырубили в Молдавии и в Грузии виноградники, что до сих пор восстановить не можем. Закупаем виноград за границей. Сколько потеряли на этом!» — (выделено нами — И.М., И.Р.) Ретранслируемый пропагандистский пассаж не учитывает, что ввиду географического положения в Беларуси виноград никогда не выращивали, вино или виноматериалы всегда импортировали, а Молдавия и Грузия — уже много лет как отдельные государства, что не мешает нашему собеседнику употребить местоимение первого лица. «Мы закупаем», «мы потеряли», — говорит он и очевидные несоответствия его не смущают, что дает нам основание полагать, что «мы», «потерянная сверхдержава» — явления иного порядка, не требующего рефлексии: мифологического.

В нарративизации последствий перестройки фабула политических перемен сводится к трансформации потребительских привычек и находит свое отражение в терминологии повседневных практик [2]. Вспоминает Галина Петровна В.: «А что творилось в магазинах! Эти талоны, эта водка, эти трусы! Все ж было по талонам». Возмущается Игорь М.: «Вот этот антиалкогольный указ. Вот зачем? Сразу же исчез сахар, конфеты, прочее. На самогонку все пошло. А очереди какие были! Ой, боже!». При этом все соглашались, что нужно было бороться с пьянством, и следовало «отпустить прибалтов», и экономика была больна, но нужно было «не так»: и начал не оттуда, и завел не туда.

Игорь М. говорит: «Горбачев прав, что экономика больна. Надо было экономику лечить, но не таким образом, что он дал свободу, Союз развалился». Евгений В.: «Горбачев говорил все правильные идеи, программы, а сделал все иначе. Развалил союз. Все эти игры в демократию очень опасны». Алла К. подчеркивает: «Перестройка, это не перестройка, это разрушение. Разрушили большую страну. Это самое страшное и самое главное. Горбачев был неправ».

«Страну разрушили» 8 декабря 1991 г. В этот день руководители России (Б. Ельцин), Украины (Л. Кравчук) и Беларуси (С. Шушкевич) на встрече

в Беловежской пуще объявили, что СССР «как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование». Одним из основных способов нарративного преодоления этого травматичного опыта, как свидетельствуют материалы интервью, является намеренное употребление уничижительных коннотаций в воспоминаниях о данном эпизоде. Глобальность и фатальность непродуманного и ошибочного решения подчеркивается описанием неприглядной сцены его принятия, низведением встречи лидеров до уровня бытовой пьянки. «Эту независимость дала пьянка в Беловежской пуще» (Николай К.); «Независимой — это я так понял Вискули. Там четыре собрались, эти, которые горилку жрали там» (Анатолий Л.).

Во время проведения интервью мы неожиданно столкнулись с массовыми сдвигами в хронологии, «ошибками» в датировке перестройки. Начало перестройки во многих (слишком многих, чтоб отнести это явление к случайным ошибкам в памяти отдельных людей) рассказах было отнесено на начало 1990-х. Ключевыми фактами, определяющими вехи истории в биографических нарративах, были факты личной жизни рассказчиков, именно они, как правило, становились основой для датировки политических событий.

Вспоминает Татьяна Г.: «В это время еще нормально было. Тогда было полтора года декрета, в 1988 я вышла на работу. ... А потом пошла перестройка, ой, что там творилось тогда!»; Говорит Валентина М.: «Просто, когда уже пошла перестройка, цех закрыли (в 1990 г.), потому что он стал ненужным. Я 20 лет проработала. Перестройка началась, и все»; Фаина М. отмечает: «В 90-м году, когда умер мой муж Саша, всё и пошло, всё и началось. Перестройка в стране и у меня в семье».

Как видим, «ошибка» не только в датировке, очевидно явное смысловое несоответствие: вопреки основному пафосу авторитетного дискурса, в нарративах термин «перестройка» используется в связке с проявлениями экономического кризиса (невыплаты зарплат, закрытие цеха, потеря работы). В данном случае мы имеем дело с явлением, рассмотренным А. Портелли в работе «Смерть Луиджи Трастулли. Память и событие», когда в памяти людей происходит объединение значительных событий в одно повествование.

Причина такой коллективной ошибки не в самом событии, а в том значении, которое было ему придано, и в отношении его к последующим событиям [1, 216-218]. Перестройка была воспринята как масштабное, важное, поворотное и судьбоносное событие (в данном случае не важно, с каким знаком). Но в практиках коммеморации и учитывая постсоветскую дистанцию, сильнейшее впечатление, произведенное перестройкой, требовало привязки к соразмерным по масштабу социальным трансформациям. То, что произошло несколькими годами позже, потребовало не только отказа от привычных паттернов поведения, но и значительных изменений паттернов мышления. Перестройка как символ глобального переустройства жизни и как воплощение всего последующего опыта была привязана не

к мало повлиявшим на течение жизни политическим свободам, гласности и альтернативным выборам, а к изменившим окружающую действительность экономическим и политическим переменам.

В этом длительном травматичном опыте «потерялось» событие, играющее ключевую роль в новейшей истории Беларуси — объявление независимости. Большинство наших собеседников не смогли припомнить, когда это произошло. На фоне подробного описания и ярко выраженных переживаний относительно распада СССР такой «провал в памяти» весьма показателен. В первом случае в воспоминаниях демонстрируется включенность в тему, в вопросе же объявления независимости артикулируется не позиция, а, в первую очередь, причины невключенности. Говорит рабочая Нина К.: «Не помню. Я в этих политических вопросах не разбираюсь. Я как жила, так и живу»; колхозница Нина Т. отмечает: «За работой мы ничего не видели. Я пока не пошла на пенсию, я вообще никаких новостей не знала»; учитель математики Лариса А. констатирует: «Нет, не помню. Нет. Ну, прошло, да и прошло это время, нам, простым людям как-то безразлично было». Очевидно, что память о распаде СССР находится в актуализированном состоянии, тогда как память о логичном последствии распада — образовании нового государства — в латентном, не востребованном вызовами дня сегодняшнего.

В постсоветской истории Беларуси тема обретения независимости стала основным топином оппозиционной идеологии, занимающей в белорусской провинции весьма маргинальное положение. Официальная же идеология явно игнорирует тему обретения независимости и транслирует выраженный ностальгический дискурс в отношении советского времени. В 1995 году была введена государственная символика, стилистически идентичная советской: красно-зеленый флаг и герб, в народе называемый «капуста». Кроме того, белорусские власти активно используют в популистских целях традиционные советские темы единения братских народов, «отеческой заботы» государства о людях и в целом возвращения советских ценностей.

Официальная власть воспроизводит ностальгический советский дискурс, предполагающий дистанцирование от «развала СССР» и связанного с этим экономического кризиса и возвращения советских смыслов и ценностей. Тема «развала» транслируется как травма, в то время как тема обретения независимости не воспроизводится вовсе или воспроизводится в отрицательных коннотациях в связке с личностями, «развалившими большую страну». Предлагаемая риторика легла на благодатную почву, была воспринята и вплетена в массовую коммуникацию. Но, как доказывают материалы интервью, только на уровне деклараций. Конфликт символических коннотаций тут выражается в немедленном переводе оценки политических процессов в область потребительского опыта, который явно диссонирует с декларациями. Мифологичность ностальгического дискурса проявляется в очевидных несоответствиях его реальным практикам.

В постсоветское время властный дискурс активно использовал риторику «разделенных братских народов», «разорванных связей», «страданий старушки-матери, которая не может поехать к дочке в Москву» в трансляции ностальгического пафоса темы о «развале СССР». Предлагаемая риторика нашла живой отклик у наших информантов, многие, сожалея о распаде Советского союза, обращались к теме былого единства. Типичным для наших многочисленных бесед является такой диалог:

— Не было никаких границ, таможен. Можно было поехать, куда хочешь.

— Это сейчас можно поехать куда хочешь.

— Да, но деньги какие! Дорого как!

Тут мы вновь сталкиваемся с явным несоответствием транслируемого ностальгического дискурса реальным практикам. Сталкиваясь с нашей провокацией, информанты немедленно «уводили» беседу из области «большой политики» в область повседневного потребления.

Ностальгия о былом отсутствии границ показательна и тем, что многие из наших информантов, имевшие родственников в Польше, только после распада СССР получили возможность относительно регулярно видеться с ними. Если не сами, то их дети регулярно выезжают на отдых за границу. А некоторые из наших собеседников не видели необходимости выезжать куда-либо тогда, не ездят и сейчас.

Далее, примечательна используемая для выражения ностальгии географическая терминология. Языковая конструкция «поехать куда хочешь» предполагала картину мира исключительно в рамках границ СССР. Также показателен собирательный термин «юг». «Куда угодно можно было поехать. Или там юг, этих не было проблем. Поехал да и поехал себе» (Людмила С.). «И в Литву мы ездили и в Латвию, и на юг. Я не ездила, потому что меня муж никуда не пускал» (Нина В.). В нарративах понятие «юг» по-прежнему имеет значение «юг СССР». В то же время, когда речь идет об отдыхе детей за границей, употребляются более конкретные географические названия: Болгария, Турция, Египет и т.д.

Примечательно, что, не смотря на то, что такие несоответствия очевидны, информанты не видят в этом особой проблемы. Ностальгия по СССР — из области коллективных представлений, это мифологическая реальность, существующая по иным законам, нежели реальность объективная, она не предполагает рефлексии или критики.

Духовное наследие советских времен и сегодня оказывает мощное влияние на систему ценностей, поведенческие шаблоны белорусских граждан. В то же время в процессе адаптации к новым условиям существования выработались другие паттерны поведения и мышления, позволяющие эффективно использовать появившиеся в последние десятилетия ресурсы для улучшения качества жизни. Не смотря на декларативные лозунги о преимуществах СССР, информантами демонстрировалась неготовность и нежелание вернуться к советской системе существования в целом.

Литература

1. Портелли А. Смерть Луиджи Трастулли. Память и событие // Хрестоматия по устной истории. — СПб., 2003. — С. 202-231.
2. Ушакин С.А. Количественный стиль: потребление в условиях символического дефицита. Электронный ресурс: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj3-4-99ush.html> Accessed 07.12.2009
3. Юрчак А. Поздний социализм и последнее советское поколение // «Неприкосновенный запас». — 2007. — № 2(52). — Электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/2/> Accessed 07.12.2009

Маховська І. С., Романова І. М. Пам'ять про перебудову. Білоруська провінція. — Стаття.

Анотація. Стаття присвячена викладенню деяких аспектів усного історичного дослідження. Метою його стало вивчення пам'яті про очікування, сприйняття та реальний досвід реформ другої половини 1980 — початку 1990-х (відомих під загальною назвою «перебудова») жителів білоруської провінції.

Ключові слова: усна історія, пам'ять, адаптація, міфологічна свідомість, пострадянська історія, історія Білорусі.

Mahovskaja I. S., Romanova I. N. Memory about perestroika (reorganization). The Byelorussian province. — Article.

Summary. This article is devoted a statement of some aspects of the oral history researches. Studying of memory of expectations, perception and real experience of radical reforms of second half 1980 — the beginnings 1990 (known under the general name «reorganization») inhabitants of the Byelorussian province was its purpose.

Keywords: oral history, reorganization, memory, adaptation, mythological consciousness, Post-Soviet history, history of Byelorussia.